

- ⁸ *Hutcheson H.* Government and Capital in Point Four // Foreign Policy Reports. Vol. 25, № 6 (June 1, 1949); *Rutton V.* United States Development Assistance Policy. Baltimore ; L., 1996. P. 35–36; *Glick P.* The Administration of Technical Assistance. Growth in the Americas. Chicago, 1957. P. 6–14.
- ⁹ *Glick P.* The Administration of Technical Assistance. P. 14–15; *Bemis S.* Op. cit. P. 328.
- ¹⁰ Тридцатидвухлетнему Нельсону Рокфеллеру пришлось долго убеждать Ф. Рузвельта, что он может возглавить это агентство. Рокфеллер, контролировавший «Креол Петролиум» и «Стэндартойл оф Нью Джерси», особенно опасался усиления влияния в Латинской Америке стран фашистского блока. См.: *Perkins J.* Geopolitics and the Green Revolution. Wheat, Genes, and the Cold War. N. Y., Oxford, 1997. P. 148.
- ¹¹ *Bemis S.* Op. cit. P. 330.
- ¹² *Ibid.* P. 369.
- ¹³ *Rosenthal M.* Where is the Money Coming From // The Public Affairs Institute. Bold New Program Series. 1950. № 8. P. 38–39.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 38.
- ¹⁵ Цит. по: *Bemis S.* Op. cit. P. 392n.
- ¹⁶ Здесь, правда, необходимо упомянуть о группах экспертов департамента сельского хозяйства, послывавшихся с 1937 г. в Грецию, Египет, Сирию, Саудовскую Аравию, Ливан, Ирак, Либирию, Китай и Филиппины для осуществления отдельных демонстрационных проектов. См.: *Hutcheson H.* Op. cit. P. 74.
- ¹⁷ *Rosenthal M.* Op. cit. P. 39.
- ¹⁸ Department of State. World Economic Progress through Cooperative Technical Assistance. State Department Publication № 3454 (April, 1949). P. 11–12.
- ¹⁹ Department of State. Point Four. State Department Publication № 3437 (February, 1949). P. 6.
- ²⁰ Department of State. Point Four. State Department Publication № 3719 (January, 1950). P. 132.
- ²¹ *Ibid.*
- ²² *Шенин С.* Генезис новой азиатской политики США : опыт реформирования в Китае // США – экономика, политика, идеология. М., 1993. № 5. С. 51–58.
- ²³ Подробнее о деятельности JCRR см.: *Шенин С.* Генезис новой азиатской политики США : опыт реформирования в Китае // США – экономика, политика, идеология. М., 1993. № 5. С. 51–58.
- ²⁴ *Dube S. C.* India's Changing Villages. Human Factor in Community Development. N. Y., 1958. P. 8–11; *Шенин С. Ю.* Истоки современной американской концепции внешней помощи. P. 57–64.
- ²⁵ *Mayer A.* Pilot Project. India. Berkeley, 1958. P. 32.
- ²⁶ *Rutton V.* United States Development Assistance Policy. P. 48.

УДК 94(420+47+57)

ИРАНСКАЯ «ЗАВЯЗКА». ПЕРЕЧИТЫВАЯ НАСЛЕДИЕ И. М. МАЙСКОГО

Ю. Г. Голуб

Саратовский государственный университет
E-mail: goloub@sgu.ru

В статье на основе воспоминаний, дневников и переписки советского посла И. М. Майского рассматривается его вовлеченность в формирование общей позиции СССР и Великобритании по Ирану летом 1941 года.

Ключевые слова: Иран, СССР, Великобритания, Германия, Сталин, Черчилль, Криппс, Иден, Молотов, Майский, дипломатия, Вторая мировая война.

The Iranian «Plot». Re-reading I. M. Maisky Heritage

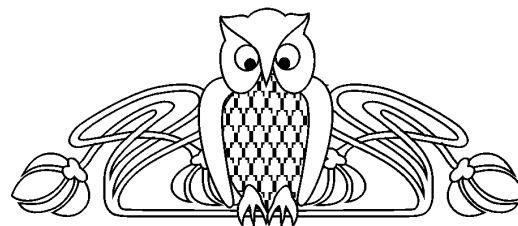
Yu. G. Golub

In this article, I. M. Maisky's involvement in the elaboration of a joint USSR and Great Britain position concerning Iran in the summer of 1941 is considered, based on his memoirs, diaries and correspondence.

Key words: Iran, USSR, Great Britain, Germany, Stalin, Churchill, Cripps, Eden, Molotov, Maisky, diplomacy, Second World War.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-71-77

В год 70-летия Великой Победы, отдавая дань памяти всем, обеспечившим разгром врага и победоносное завершение войны, нельзя не вспомнить

и советских дипломатов. Они сыграли в достижении Победы важную роль, внося значительный вклад в формирование антигитлеровской коалиции. В этом контексте выделяется деятельность советского посла в Великобритании И. М. Майского¹, особенно с учетом того, что именно британская столица стала в тот период времени центром мировой дипломатической активности. За многие годы работы в Лондоне Майский, будучи личностью идеологически незашоренной, инициативной и энергичной², сумел установить личные контакты со многими британскими политиками, в том числе и с ключевыми фигурами³. Это оказалось весьма востребованным в первые, самые трудные для нашей страны недели и месяцы войны. Тогда руководители двух стран еще только искали пути к взаимопониманию, и совпадение их позиций, прежде всего, относительно Ирана во многом обусловило преодоление былой отчужденности и недоверия⁴.

Освещение этого аспекта деятельности Майского облегчается тем, что за последние годы в

научный оборот было введено немало архивных материалов, вошедших в том числе в очередной том серийной публикации «Документы внешней политики» за 1941 г.⁵ Ряд важных источников содержится и в сборниках, изданных ранее⁶. И конечно, уникальное значение для понимания подоплеки событий в летние месяцы 1941 г., приведших к советско-английской акции в Иране, имеют воспоминания⁷, переписка⁸ и дневники⁹ самого Майского. Они содержат немало оригинальных оценок, интересных наблюдений, тонких зарисовок. Даже то, о чем Майский будучи ключевым участником событий умалчивает или лишь упоминает, тоже само по себе примечательно и заслуживает внимания. Ведь, возможно, как считают некоторые историки, Майский не всегда был вполне искренним в своём дневнике, так как знал о системе постоянного контроля за деятельностью посллов и не исключал, что его записи читал кто-то еще¹⁰. Тем не менее с выходом в свет «Дневника дипломата» Майского отечественные источниковедение и историография пополнились весьма ценным источником по политической и дипломатической истории Второй мировой войны. Это позволяет с достаточной степенью достоверности реконструировать непростой процесс складывания в первые месяцы войны союзнических отношений между СССР и Великобританией и, в частности, согласование их общей позиции по Ирану и вклад в это согласование самого Майского. Именно об этом и пойдет речь в данной статье.

Воскресное утро 22 июня 1941 года советский посол в Великобритании Иван Михайлович Майский встретил в загородной тиши лондонского пригорода Бовингдон, в доме Х. Негрина¹¹. В 8 часов утра там раздался телефонный звонок из советского посольства, и взволнованный сотрудник, ссылаясь на английское радио, сообщил послу о нацистском нападении на Советский Союз¹². Спустя полчаса с советским посольством в Лондоне связался секретарь министра иностранных дел А. Идена и пригласил посла на встречу к министру.

В полдень Майский был в Форин офисе. «Иден, – записал в своем дневнике посол, – поднялся с кресла и с приветливым лицом сделал несколько шагов мне навстречу. Он был в простом сереньком костюме, с простым мягким галстуком, и левая рука его была наскоро перевязана какой-то белой тряпочкой. Видимо, он чем-то порезал себе ладонь. Тряпочка держалась плохо, все время соскальзывала, и Иден в ходе беседы то и дело ее поправлял. Вид Идена, его костюм, его галстук и особенно эта белая тряпочка как-то сразу сняли весь налет “историчности” с нашей встречи. Та небольшая доза торжественности, которая была у меня в душе, когда я переступал порог кабинета Идена, сразу испарилась при виде белой тряпочки. Стало как-то просто, обычно, прозаично. И это ощущение еще больше усилилось, когда Иден начал свою беседу с того, что стал меня самым обыкновенным образом расспрашивать о событи-

ях на фронте и о содержании речи т. Молотова. В этом “обыкновенном” тоне была выдержана вся ... встреча с Иденом»¹³.

Выслушав посла, Иден, в свою очередь, сказал, что уже утром беседовал с главой кабинета Черчиллем и на основании этой беседы считает нужным заявить, что объявление Германией войны Советскому Союзу ни в какой мере не меняет политику Англии, что ее действия в борьбе с Германией сейчас не только не ослабеют, но, наоборот, усилятся. Далее он подчеркнул, что британское правительство готово оказать содействие СССР во всем, в чем оно может, и просил лишь указать, что именно нужно. По понятным причинам его собеседник не мог в тот момент ответить, что нужно, но обещал снести с советским правительством и после этого проинформировать министра¹⁴.

В тот же день И. М. Майский направил в Народный комиссариат иностранных дел телеграмму с подробной информацией о состоявшейся беседе¹⁵. Уже вечером под впечатлением прослушанного по радио выступления Черчилля посол позвонил Идену и сообщил о полученной им телеграмме, подтверждавшей готовность советского правительства сотрудничать с Англией и отсутствию у Москвы возражений против приезда британских миссий в СССР¹⁶.

Одновременно Майский условился с собеседником о новой встрече¹⁷. О её содержании И. М. Майский сообщил в Москву 26 июня¹⁸. Как писал посол, в ходе его встречи с Иденом был затронут весьма широкий спектр вопросов, начиная от оценок выступления Черчилля 22 июня и заканчивая ситуацией на Среднем Востоке. «В частности, – сообщал Майский, – Иден мне рассказывал, что после беседы со мной утром 22 июня он имел разговор с Черчиллем, и последний учел сделанные мной замечания, придав еще более решительную форму, чем это имело место первоначально, неприимости британского правительства в вопросе о продолжении войны до полной победы над Гитлером». Обращает на себя внимание, что Майский не упоминает об этой беседе с Иденом ни в опубликованных при жизни воспоминаниях, ни даже в дневнике, не предназначавшемся к публикации, то есть не пытается зафиксировать для истории то, что детально описывает в телеграмме, которая, кстати, до сих пор не опубликована. В контексте же данной статьи существеннее другое в этой встрече, а именно Майский оказался первым советским официальным представителем, которому британский министр в ходе обмена мнениями указал на желательность общей политической линии обоих правительств в отношении Ирана и сопредельных с ним стран¹⁹.

Такое предложение не осталось незамеченным в Кремле. В. М. Молотов, принимая 27 июня ввернувшегося в Москву британского посла С. Криппса, обратил внимание собеседника на этот момент встречи Майского и Идена. Примечательно, что произошло уже в ходе второй за

день встречи советского наркома и британского посла, после того как Молотов обсудил со Сталиным результаты предшествовавшей встречи с Криппсом. И резонно предположить, что Молотов коснулся этой проблематики во второй беседе с Криппсом по согласованию с главой советского правительства. В частности, нарком заметил, что Иден в беседе с Майским об отношении к странам Среднего и Ближнего Востока указывал на желательность общей политической линии обоих правительств в отношении Ирана, Ирака, Афганистана и, кажется, Турции, то есть вопрос сводился не к узким техническим военным переговорам, а к более широким²⁰. Криппс с этим согласился, заявив, что правительства должны следовать общей политической линии в отношении названных стран. Посол подчеркнул, что в настоящий момент целью как Англии, так и СССР является предотвращение проникновения Германии или кого-либо из ее партнеров по тройственному пакту на Балканы, в страны Среднего, Ближнего и Дальнего Востока. Особенно это важно в отношении Ирана. Молотов согласился с последним замечанием Криппса и заявил, что данный вопрос является актуальным²¹. Как видим, при всем немалом диапазоне важнейших задач устанавливаемого советско-британского сотрудничества проблема германского проникновения в Иран была обозначена в числе первоочередных целей сторон уже в первые дни после нацистского нападения на Советский Союз.

После этого предварительного зондажа на какое-то время Иран перестаёт фигурировать в набирающих интенсивность переговорах советских и британских представителей²². Однако это, как выяснится чуть позже, не означало забвения иранской темы на фоне более значимых вопросов сотрудничества двух стран. Так, в аппарате НКВД СССР (Средне-Восточном отделе) началась работа по подготовке аналитических материалов, касавшихся Ирана. 3 июля обстоятельный документ был подготовлен и направлен руководству наркомата²³.

А уже 8 июля иранская тема вновь возникла. И не просто возникла. Она получила детальное рассмотрение в Кремле на встрече И. В. Сталина с С. Криппсом²⁴. Подробно обсудив сначала перспективы заключения союзного соглашения, неожиданно для посла Сталин заговорил о большом скоплении немцев в Иране и в Афганистане, которые, как он заявил, «будут вредить и Англии, и СССР». Сталин поинтересовался точкой зрения посла относительно возможных мер, необходимых для их изгнания из этих стран «сейчас, так как потом это сделать будет трудно»²⁵.

Криппс активно подхватил тему, ответив, что Лондон уже делал иранцам представление в связи с пребыванием в стране немцев. По его мнению, «оба правительства должны сделать шагу или министру иностранных дел Ирана демарш с предложением удалить пятую колонну». При

этом в беседе со Сталиным посол инициировал привлечение И. М. Майского к обсуждению иранской темы. «Если Советское правительство даст соответствующие инструкции Майскому, – заявил Криппс, – то он со своей стороны информирует Идена по тому же вопросу». Более того, Криппс также обещал снести со своим правительством по вопросу о принятии мер в Иране, и если имеется опасность, то и в Афганистане. Сталин отметил, что опасность существует как в Иране, так и в Афганистане и что «советское правительство уделяет внимание этому вопросу, особенно в отношении Ирана, потому что оно опасается за нефтяные промыслы Баку»²⁶.

С. Криппс выполнил обещание и не только оперативно доложил А. Идену о переговорах с советским руководством, но и посоветовал своему министру «побудить советское правительство подкрепить дипломатический демарш концентрацией войск на северной иранской границе» и предложил, чтобы британцы сами обдумали инсценировку подобной военной угрозы вдоль южной иранской границы²⁷.

Затронутая в ходе первой встречи Сталина с Криппсом 8 июля тема Ирана сразу же получила практическую реализацию. Советский посол в Лондоне И. М. Майский получил соответствующее поручение и уже 10 июля сообщил британскому министру иностранных дел Э. Идену, что советское правительство настаивает на принятии срочных мер по «сдерживанию серьезной угрозы для обеих стран», возникшей из-за «проникновения немцев» в Иран. В ходе встречи, как отметил в своем дневнике Майский, сообщая мне о предстоящем подписании союзного договора, Иден был страшно возбужден и взволнован. Он даже пошутил, что у него голова кругом идет от всех этих переговоров и соглашений...²⁸ Правда, сначала, услышав решительный тон Майского, Иден не исключил, что Москва настроена на проведение некой силовой акции, пытаясь под предлогом немецкого присутствия в Иране достичь своих собственных целей в этой стране. На уточняющий вопрос, идет ли речь о некой военной операции, он услышал ответ посла о том, что советское правительство предлагает предъявить Тегерану совместно составленное требование о депортации немцев из Ирана. Иден сразу же уточнил, что может последовать в случае, если иранцы откажутся депортировать немцев. Майский высказал мнение, что СССР и Великобритания должны будут подойти к решению этого вопроса «с ясной головой», до того как сделают первый шаг и предпримут возможные экономические меры²⁹.

Между тем решительный тон Майского в разговоре с Иденом, как теперь понятно, был неслучаен и вполне объясним, если учесть, что в тот же день в Кремле состоялась новая встреча Сталина с Криппсом. На ней И. В. Сталин вновь затронул тему Ирана. Собеседники практически сразу сошлись в понимании необходимости со-

вместных дипломатических шагов для пресечения немецкой активности в Иране, подкрепленных при необходимости и военными мерами³⁰. Примечательно при этом, что первым речью о возможном применении силы завел посол С. Криппс, что было, в общем-то, неудивительно, учитывая британские планы ввести войска в Северный Иран в случае угрозы немецкого вторжения в этот стратегический регион.

И хотя Майский в разговоре с министром Иденом ограничился указанием лишь на возможные дипломатические демарши и экономическое давление, 11 июля британский кабинет, как свидетельствует в своих мемуарах У. Черчилль, счел необходимым поручить начальникам штабов рассмотреть вопрос о том, какие действия совместно с СССР в Иране предпочтительны³¹. Пока британские военные прикидывали допустимость и оправданность силовых действий в Иране, советские и британские дипломаты, основываясь на подписанном 12 июля 1941 года советско-английском соглашении «О совместных действиях в войне против Германии», продолжали обсуждения своих шагов в отношении Ирана и их последствий.

Инициатор акции против Ирана британский посол в Москве С. Криппс продолжал настаивать на срочном применении военной силы. 14 июля в своем донесении в Форин офис он утверждал, что в настоящий момент временной фактор особенно важен, так как очевидно, что СССР уже через несколько недель больше не сможет представлять угрозу для Ирана... Не вижу причин для того, – продолжал Криппс, – чтобы одновременно не подкреплять любые требования... военными демонстрациями³².

Тем не менее Иден оставался непреклонным, полагая, что предложения Криппса выходят за рамки британской политики и, возможно, даже за рамки реального положения вещей. Ему явно в большей степени импонировала сдержанность советского посла Майского, оказавшегося в центре дипломатических дискуссий. 14 июля Иден вновь встретился с Майским. Оба собеседника сошлись во мнении, что СССР и Великобритании предпочтительно в полной мере использовать возможности дипломатии и экономического давления на Иран³³. В связи с этим стороны активизировали подготовку дипломатических нот от имени своих стран иранскому правительству³⁴.

В то же время посол Криппс продолжал настаивать на незамедлительных военных действиях в Иране. 17 июля в своей депеше в Лондон он утверждал, что «должно быть применено максимальное экономическое и военное давление, прежде чем возможность будет упущена, а это может произойти в момент наступления немецких войск на Кавказ. Я считаю, что это та возможность, когда нужно применить... незамедлительное максимальное давление и не медлить,... так как нет сомнений в том, что иранцы попытаются сражаться»³⁵.

18 июля 1941 г. Криппс по его просьбе был принят Молотовым. Обсудив вопросы, связанные с деятельностью английской военной миссии, находившейся в Москве, Криппс перешел к немецкому присутствию в Иране, упомянув о «решении сделать совместный демарш». В связи с этим нарком подтвердил, что «как советскому, так и английскому посланнику в Тегеране даны приблизительно одинаковые инструкции». Криппс не удержался и рассказал Молотову о своей телеграмме Идену, в которой рекомендовал последнему, не колеблясь, предпринимать меры, как военного, так и политического, и экономического характера, если просьба не будет выполнена³⁶.

Наконец, 18 июля, спустя неделю, свои предложения подготовили британские военные. Они уклончиво рекомендовали правительству занять твердую позицию³⁷. Такая рекомендация, даже оставленная рядом оговорок, безусловно, способствовала расширению у политиков арсенала мер воздействия на Тегеран и ужесточению позиции Идена. Что он отчетливо продемонстрировал уже утром следующего дня, встретившись с Майским.

Еще до их встречи стало известно, что в Тегеране послы двух держав вручили министру иностранных дел Ирана Д. Амери согласованные ноты. В них содержалось требование выслать из страны немецких граждан³⁸. Иранский министр оказался в весьма затруднительной ситуации. Тем более что британский посол Р. Буллард намекнул, что в случае невыполнения предъявленных требований Лондон может пересмотреть торговые отношения с Ираном. Тем не менее Амери, сославшись на нейтральный статус своей страны, фактически сразу отклонил демарш союзников. Неудовлетворенный ответом министра Буллард незамедлительно проинформировал Лондон о необходимости усиления экономического давления на Иран. В свою очередь, советский посол Смирнов порекомендовал своему правительству отказаться от отправки в Иран немецких товаров, находившихся в транзите в Баку³⁹.

Вот на таком фоне Иден встретился с Майским. Он поделился с послом, что уже практически не надеется на депортацию немцев из Ирана и что придется уповать на военные меры. Министр конфиденциально сообщил собеседнику, что британские военачальники уже занимаются соответствующим планированием. И добавил, что если Москва даст согласие, то правительства обеих стран смогут объединиться для рассмотрения вопроса о возможных совместных военных действиях. Полагая, что вопрос в принципе будет согласован, британский министр поинтересовался у Майского, что может быть сделано Лондоном для того, чтобы снять обеспокоенность Турции возможным появлением русских в Иране⁴⁰. Иными словами, теперь и ранее колебавшийся Иден заговорил об использовании военной силы как единственно оставшемся средстве воздействия на Иран. Майский окончательно убедился: Лондон свой выбор сделал. Военное

планирование, продумывание мер по предупреждению реакции Анкары – не оставляли никаких сомнений на этот счет.

Утренняя субботняя встреча дипломатов завершилась просьбой Майского устроить ему аудиенцию с Черчиллем для вручения личного послания Сталина. Около часу дня Иден позвонил послу и сообщил, что Черчилль примет его в 5 часов дня в своей загородной резиденции Чекерс, где премьер обычно проводил «уик-энд»⁴¹.

Закончив перевод сталинского послания, Майский отправился на встречу. Посольский водитель, ранее не бывавший в Чекерсе, сбился с дороги, и посол прибыл в резиденцию с получасовым опозданием. Пройдя анфиладу темных залов в сопровождении секретаря премьера, Майский очутился в большой светлой комнате. Было многолюдно, шумно и оживленно. Черчилль дружески пожал руку гостю и спустя некоторое время увел его вниз в какую-то большую гостиную. Там Майский и вручил хозяину личное послание Сталина. Премьер стал его читать медленно, внимательно, все время справляясь с географической картой. Было видно, что он доволен – доволен самим фактом получения личного послания – и не старается этого скрыть.

Когда премьер дочитал послание до конца, Майский поинтересовался впечатлением от прочитанного. Черчилль ответил, что пока он может сделать лишь некоторые предварительные замечания. Концепция северного фронта в Норвегии ему понравилась. А вот по вопросу о втором фронте во Франции Черчилль сразу занял отрицательную позицию. Должно быть, чтобы смягчить впечатление от своего отказа, премьер заговорил о воздушном наступлении на Германию с запада. И затем внезапно перешел к Ирану, повторив гостю все то, что утром того же дня говорил Иден, но только в еще более заостренной и решительной форме: «Нельзя позволить шаху устраивать фокусы, – с горячностью заявил премьер. – Персия должна быть с нами! Шах должен выбирать: или – или».

Черчилль прибавил, что в случае упорства шаха он считает необходимой военную оккупацию Персии англо-советскими силами. При этом он намекнул, что персидская операция, наряду с Норвегией, тоже может явиться своего рода «вторым фронтом»⁴².

Это, конечно, было очевидным преувеличением. Понятно, что военная акция в Иране при всей ее военно-политической значимости никак не могла повлиять на ситуацию на советско-германском фронте. Правда, в случае успеха она существенно усиливала позиции союзников на Среднем Востоке и гарантировала еще один коридор для поставок в СССР.

И хотя собеседники еще довольно долго обсуждали другие вопросы, фактически именно это и стало главным позитивным итогом встречи советского посла с британским премьером.

Таким образом, 19 июля – день, в течение которого И. М. Майский, встретившись сначала с

британским министром иностранных дел, а затем и с самим премьер-министром, смог получить четкое представление о сформировавшейся позиции Великобритании по Ирану. Лондон недвусмысленно высказался за военную оккупацию этой страны англо-советскими силами. И первым из советских официальных лиц узнал об этом посол Майский.

В тот же день информация об этом поступила в Москву. И. М. Майский сообщил в Наркомат иностранных дел о своей беседе с У. Черчиллем, в том числе о том, что британский премьер подчеркнул необходимость применения к Ирану всех мер вплоть до совместной военной оккупации страны⁴³.

На следующий день, 20 июля, С. Криппс встретился с Молотовым, уже знавшим из депеши Майского о британской позиции по Ирану. Криппс попросил Молотова сообщить Майскому те формы действия, которые советское правительство со своей стороны предполагает предпринять в отношении Ирана. Молотов пообещал пока прямо не обозначать позицию советского правительства. Это побудило Криппса, уже проявившего себя как наиболее активного приверженца силовых действий, поддержать «тему». Он подчеркнул, что было бы весьма важно, если бы Москва приняла предложение английского правительства относительно военного или экономического давления на Иран. Конкретизируя свою мысль, посол коснулся советско-иранского договора 1921 года, создававшего правовую основу для ввода советских войск в Иран в случае появления в этой стране немецких войск. Ответ наркома на эту ремарку, хотя и был весьма дипломатичен («советское правительство считает советско-иранский договор весьма важным фактором в современной обстановке»), не оставлял сомнений в позиции Кремля. А уж когда Молотов поинтересовался, имеются ли у английского правительства военные силы на юге Ирана, которые могли бы оказать давление на Иран в случае возникновения серьезной опасности военного характера, все стало окончательно понятно. Поэтому Криппс поспешил ответить, что «ему лично кажется возможным использовать некоторое количество английских сил для военного давления и на юге Ирана»⁴⁴.

Завершая иранскую тему, Криппс также добавил, что, по его мнению, будет очень удобным вести переговоры об Иране в Лондоне. Для этого советское правительство должно уполномочить Майского принимать необходимые решения. Молотов согласился и заявил, что он поставит об этом в известность Майского⁴⁵. Понятно, что это делало фигуру Майского ключевой в обсуждении сторонами вопроса о военной акции в Иране. В течение последующих нескольких недель все необходимые детали были обговорены, и 25 августа 1941 года войска союзников вступили на территорию этой страны⁴⁶.

Рассматривая вовлеченность И. М. Майского в решение иранской проблемы, нельзя не отдать

должное его дипломатическому мастерству. В сложнейших условиях неудачного для СССР начала войны, когда советские войска терпели поражение и отступали, посол сумел поставить себя так, что с ним считались и Черчилль, и Иден, и другие государственные деятели Великобритании. При этом переговорные позиции Майского усложнились тем, что Лондон, традиционно руководствуясь исключительно своими интересами, уклонялся от обсуждения практических действий по открытию второго фронта, что создавало определенное напряжение между сторонами. Вот почему их согласие на проведение совместной военной акции в Иране, достигнутое при активном участии посла Ивана Михайловича Майского (а финальные переговоры об этом проходили именно в Лондоне и их успех – его немалая личная заслуга), стало одним из первых реальных шагов в создании антигитлеровской коалиции.

Примечания

¹ Иван Михайлович Майский (19.01.1884–3.09.1975) – советский дипломат, историк и публицист, личность яркая, неоднозначная, с непростой судьбой. Настоящие имя и фамилия – Ян Ляховецкий. Родился в семье военного врача, выходца из польской крестьянской семьи, впоследствии доктора медицины. Учился в гимназиях в Череповце и Омске, затем на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета; окончил Мюнхенский университет. В 1903 г. вступил в РСДРП, меньшевик.

В период революции 1905–1907 годов – член Саратовского Совета рабочих депутатов. В начале января 1906 г. арестован и отправлен в тобольскую ссылку. В 1908 г. эмигрировал в Германию, а в 1912 г. переехал в Англию. Вернулся в Россию в мае 1917. Работал членом коллегии министерства труда Временного правительства. Летом 1918 г. был министром труда в Самарском правительстве КОМУЧа. За работу в эсеровском правительстве КОМУЧа был выведен из меньшевистского ЦК и исключён из РСДРП. Формально назначенный министром труда в колчаковском правительстве, фактически, Майский провёл период Гражданской войны в научной экспедиции в Монголии. В феврале 1921 г. принят в РКП(б). Был назначен председателем только что образованного Сибирского госплана. С 1922 г. на дипломатической работе. Был заведующим отделом печати Народного комиссариата иностранных дел (НКВД). Из характеристики, данной ЦК ВКП(б) в 1926 г. Майскому: «Хорошо знает английский язык. Имеет кое-какие связи в Англии по старой своей меньшевистской деятельности. Он там жил в свое время. Эта связь является его плюсом и в то же время его минусом». В 1929–1932 гг. полпред в Финляндии. В 1932–1943 гг. полпред, затем посол в Великобритании. Во время визита в Москву в 1942 г. Черчилль в разговоре со Сталиным отметил Майского как хорошего дипломата. Сталин согласился, но добавил, что «он слишком болтлив и не умеет держать язык за зубами». Некоторые британские историки отмечают,

что Майский вёл себя в Лондоне весьма раскованно, и что этим он отнюдь не обеспечивал интересы СССР. В 1943–1946 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР, участвовал в Ялтинской конференции. Был председателем Международной репарационной комиссии. С ноября 1946 г. – академик Академии наук СССР. В феврале 1953 г. арестован и обвинен по ст. 58 УК РСФСР. Освобожден в 1955 г. и восстановлен в партии. В 1960 г. реабилитирован. Автор многочисленных трудов по истории и воспоминаний. URL: <http://www.livelib.ru/author/147949> (дата обращения: 03.02.2015).

² Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002 : в 3 т. Т. 2. М., 2002. С. 278.

³ См.: Соколов В. В. И. М. Майский между И. В. Сталиным и У. Черчиллем в первые месяцы войны // Новая и новейшая история. 2001. № 6. С. 18–32.

⁴ См.: Голуб Ю. Г. Иранский фактор англо-советского сближения после нацистского нападения на Советский Союз (июнь – июль 1941 г.) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 30–40.

⁵ Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 (далее – ДВП). Т. XXIV / Министерство иностранных дел Российской Федерации. М., 2000.

⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1976; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны : в 2 т. 1941–1945. Т. 1. М., 1983.

⁷ Майский И. М. Воспоминания советского посла : в 2 кн. М., 1964; Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945. М., 1971; Майский И. М. Люди. События. Факты. М., 1973; Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. 2-е изд. М., 1987.

⁸ Майский И. М. Избранная переписка с российскими корреспондентами : в 2 кн. М., 2005. Кн. 2 ; Майский И. М. Избранная переписка с иностранными корреспондентами. 1916–1975 : в 2 кн. М., 2011–2012. Кн. 2.

⁹ Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943 : в 2 кн. М., 2006–2009. Кн. 2.

¹⁰ Печатнов В. О. Посол СССР в Великобритании И. М. Майский (по страницам его дневниковых записей) // Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 198.

¹¹ Бовингдон – селение недалеко от Лондона, где снимал дом бывший глава испанского республиканского правительства Х. Негрин. По его приглашению И. М. Майский с супругой проводил у него уик-энды.

¹² Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. 2-е изд. С. 562.

¹³ Майский И. М. Дневник дипломата : в 2 кн. Кн. 2, ч. 2 : 22 июня 1941 – 1943 год. М., 2009. С. 5–6.

¹⁴ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны : в 2 т. Т. 1. С. 45–47.

¹⁵ ДВП. Т. XXIV. С. 9–12.

¹⁶ Там же. С. 14.

¹⁷ Майский И. М. Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 6.

¹⁸ Ржеишевский О. А. Сталин и Черчилль : Встречи. Бесе-

- ды. Дискуссии : Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 14.
- ¹⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 318–320.
- ²⁰ ДВП. Т. XXIV. С. 48.
- ²¹ Там же.
- ²² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 52–56, 63–68. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. VII. С. 203.
- ²³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 16. Д. 188. Л. 1–17.
- ²⁴ Голуб Ю. Г. Иранский фактор англо-советского сближения... С. 36–38.
- ²⁵ ДВП. Т. XXIV. С. 122–123.
- ²⁶ Там же. С. 123.
- ²⁷ The National Archives of Great Britain (Kew, England) (далее – TNA), Foreign Office (далее – FO) 371/27230/E3707.
- ²⁸ Майский И. М. Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 12.
- ²⁹ TNA, FO 371/27230/E3707.
- ³⁰ Голуб Ю. Г. Иранский фактор англо-советского сближения... С. 38; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны : в 6 т. Т. 1. С. 80.
- ³¹ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1998 : в 3 т. Т. 3. С. 221.
- ³² TNA, FO 371/27230/E3844; Stewart R. A. Sunrise at Abadan : the British and Soviet invasion of Iran, 1941. N. Y., 1988. P. 61.
- ³³ Stewart R. A. Op. cit. P. 61.
- ³⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 16. Д. 188. Л. 28–29.
- ³⁵ TNA, FO 371/27230/E4065; Stewart R. A. Op. cit. P. 62.
- ³⁶ ДВП. Т. XXIV. С. 168–169.
- ³⁷ Черчилль У. Указ. соч. Т. 3. С. 221.
- ³⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. М., 1946. Т. 1. С. 156.
- ³⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 16. Д. 188. Л. 32–33; Stewart R. A. Op. cit. P. 63.
- ⁴⁰ TNA, FO 371/27231/E3995; Stewart R. A. Op. cit. P. 63; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны... С. 172.
- ⁴¹ Майский И. М. Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 14.
- ⁴² Там же. С. 14–18.
- ⁴³ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны... С. 87.
- ⁴⁴ Там же. С. 171.
- ⁴⁵ Там же. С. 172–173; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 6. Л. 76–77.
- ⁴⁶ О военном аспекте рассматриваемых событий см.: Голуб Ю. Г. 1941 : Иранский поход Красной армии. Взгляд сквозь годы // Отечественная история. 2004. № 4; Он же. Малоизвестная страница великой войны: советская оккупация Северного Ирана в августе – сентябре 1941 г. URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/10082/27.pdf>; Любин Д. М. Ввод Красной армии в Иран летом-осенью 1941 года : Причины, осуществление, последствия. Саратов, 2005; Оршиев А. Б. В августе 1941-го. М., 2011; Холдеев Ф. П. Советско-английское принуждение Ирана к лояльности в 1941 году // Военно-исторический журн. 2011. № 9. С. 40.

УДК 94(420).082:303.446.4(410) 191+929

АНГЛИЙСКИЕ ИСТОРИКИ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА ОБ АНГЛИЙСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ 1918–1920 ГОДОВ

Е. Г. Блосфельд

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

E-mail: genhist@mail.ru

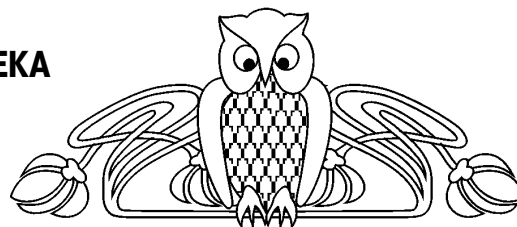
В статье анализируются работы английских историков конца XX века о рабочем движении в Англии 1918–1920 гг. Отмечены некоторые различия тенденций в российской и британской историографии и проблемы рабочего движения.

Ключевые слова: английская историография, английское рабочее движение, Лейбористская партия.

The English Historians of the 1990s on English Labour Movement in 1918–1920

E. G. Blossfeld

This article analyzes the works of the English historians of the end of the XX century concerning the English working class movement of 1918–1920. The author marks some differences of tendencies in

Russian and British historiography and of the working class movement's problems.

Key words: English historiography, English working class movement, Labour party.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-77-80

В английской историографии конца XX в. появился ряд интересных исследований об английском рабочем движении, тогда как наша историография игнорировала и продолжает игнорировать историю рабочего движения. Большинство работ посвящено годам так называемого «революционного» подъема 1918–1920 гг., а также и всей панораме от 1918 г. до окончания Второй мировой войны. Проблематика довольно широка. Это и тема интернационализма английского рабочего класса, отношения к СССР и анализ самого характера английского рабочего движения.